

Экстрим по-военному

Полковник Чечель

Как-то, когда был проездом в Москве, в газете «Советский Спорт» мне попала статья «Жизнь и смерть дублёра» – о том, как жил и погиб лётчик-испытатель Александр Щукин. Помню, она была так написана, что пронзила до глубины души, С нашего курса к тому времени разбилось десять человек. Последним был Олег Припусков. Их АН-124 «Руслан» потерпел катастрофу при заходе на посадку в Италии. Олег имел звание «Заслуженный лётчик-испытатель СССР». Бывая в семьях погибших, приходилось видеть, как порой быстро уходит память. Жёны уже по второму разу замуж вышли, дети уже другого дядю называют папой... И это нормально. Жизнь не стоит на месте.

Поэт Константин Симонов написал так о жене погибшего друга: «Её спасём не мы, а тот, Кто руки на плечи положит. Не зная мёртвого, придёт И позабыть его поможет».

Всё правильно, но всё-таки хотелось бы, чтобы память о достойных людях сохранялась подольше, и не только среди самых близких друзей. Поэтому взял я эту статью, приехал в гости к своему другу барду Константину Фролову и попросил: «Костя, напиши об этом лётчике песню». Прошёл год. Снова подошёл к Косте: «Ты же обещал». Он ответил: «Что-то стоящее не пишется, а «халтуру» писать не могу» ... Тем не менее, Константин сдержал

своё обещание. И вот как это было.

Когда мы с Тимуром Апакидзе служили в разных гарнизонах, я старался каждое лето приезжать к нему в гости, настолько было сильно обаяние его личности. Мне просто необходимо было пообщаться с ним за «рюмкой чая», поговорить, как лётчику с лётчиком, авиационному командиру с командиром, о том, что творится в нашей авиации, и затем, заряженному его энергией, дальше продолжать наше лётное дело. Но сразу должен сказать, в плане «выпивки» Тимур был совершенно нетипичным лётчиком. За 19 лет я видел, как он выпил по рюмке водки, всего два раза. Первый, когда «обмывали» ему присвоение звания «майор» в гарнизоне Чкаловск – и то после угрозы, что мы все сейчас встанем и уйдём, если он за свои «звёздочки» не выпьет. Второй – на поминках майора Юзвишина, который разбился на МИГ-29 на полигоне Свободный Порт.

Так совпало, что в очередной раз я приехал к Тимур Апакидзе в гости в гарнизон Саки в тот день, когда катапультировались со «спарки» МИГ-29уб старший штурман полка подполковник Омелаенко и лётчик-испытатель Анатолий Квочур, который в этом полёте был инструктором. Понимая, что Тимур сейчас не до меня, я старался меньше попадаться ему на глаза и в основном всё время проводил на пляже. На третий день он меня нашёл сам: «Ты говорил, у тебя тут неподалёку бард знакомый живёт?» «Живёт, – ответил я, – в селе Ильинка, 30 километров севернее Сак". «Можешь вызвать?» – попросил Тимур. «Для чего?» – спросил я.

«Квочур ходит, как в воду опущенный. Надо его развеселить», – ответил Тимур. Я позвонил Константину Фролову, вечером Костя приехал.

Сели ужинать в номере у Квочура, естественно, «с этим делом». Костя достал гитару, и мы забыли обо всём... Тимур не пригубил ни одной рюмки. Это важно для понимания всех последующих событий. Анатолий пил мало. Мы с Костей принимали «александеры» на грудь без ограничений, сколько «душа просила». От Костиных песен исходил такой «бальзам», что ночь пролетела, как одно мгновение. В начале седьмого утра Тимур тоном, не терпящим возражений, произнёс, показывая на Костю: «Он должен это видеть. Но поскольку его одного пускать нельзя, с ним полетишь ты. Полетите на авианосец «Тбилиси».

А я знал, что «Тбилиси» сейчас находится в Чёрном море на ходовых испытаниях, и завтра туда должны прилететь два Главкома СССР (ВВС и ВМФ).

«Окстись, Тимур. Я сейчас никакого отношения к палубной авиации не имею, а Костя вообще гражданский человек. На корабле наверняка представителей КГБ, как у Бобика блох. Нас сразу повяжут. Давай я съезжу в Николаев, выпишу какую-нибудь липовую командировку, попробую вписать туда Костю, тогда и полетим».

Тут вмешался Анатолий: «Там сейчас около 2 тысяч человек, из них человек 500 гражданских инженеров и «доработчиков», вы растворитесь, как иголка в стоге сена».

Я пытался говорить, что риск слишком велик, что меня снимут с должности, а Костю вообще могут посадить в тюрьму, как «германского шпиона». Тимур и Квочур были непреклонны: «Полетите, причём прямо сейчас». Я хочу подчеркнуть, эти двое были «в здравом уме и трезвой памяти» и знали, на какой риск они шли, забрасывая совершенно посторонних людей на авианосец – на тот момент, самый секретный корабль Советского Союза. В общем, не успели мы опомниться, как подошла машина, и мы помчались на аэродром, мне даже за документами не дали в гостиницу заехать.

Приезжаем, стоит вертолёт с уже запущенными двигателями. Квочур выскакивает сразу вперёд, показывая командиру экипажа: «Открой дверь». Дверь открыли, в МИ-8 заскочил Тимур, показал на нас, и тут же два человека кубарем выкатились с вертолёта. Тимур за ними, и нам показывает: «Быстрее». Мы с Костей прыгаем в салон, и МИ-8 сразу взлетает. Потом, когда эпопея закончилась, я спросил у Тимура: «Что ты им тогда сказал?»

«Да всего пару слов: эти двое выполняют срочный секретный приказ Министра Обороны, они полетят вместо вас, а вы следующим рейсом». Авторитет разжалованного с должности командира полка подполковника Апакидзе, несмотря ни на что, был непререкаем.

В общем, летим мы над Чёрным морем, в потёртых джинсах, футболках. Константин с интересом смотрит в «окно», а я никак не могу поверить, что это происходит не с кем-нибудь, а с нами. Когда на горизонте показалась громада авианосца, я сразу начал трезветь, понимая, в какую авантюру мы ввязались. Немного покружили в сторонке, выжидая разрыв между взлетающими и садящимися на палубу истребителями, и пошли на посадку сами. Только коснулись палубы, бортехник кричит:

«Без выключения», и мы бегом все выкатились по трапу с вертолёта. МИ-8 тут же взлетел, а секунд через 30 на палубу «шлёпнулся» СУ-27к, за ним МИГ-29, но тот тут же без зацепа за так ушёл на второй круг. Зрелище было завораживающим и просто подкупало своей новизной. Я помню, как начал озираться по сторонам с мыслью: хоть бы никто знакомый нас не увидел. Не успел подумать, как мимо нас быстрым шагом несётся генерал Шушпанов Павел Степанович. Его взгляд падает на меня: «Чечельницкий, Вы, почему здесь?»

Тут я вынужден сделать «лирическое» отступление. Хотя на третьем курсе авиационного училища я уже летал на Л-29 и ИЛ-28, но окончательно поверил в то, что смогу стать хорошим лётчиком, после следующего эпизода. В тот день вечером по телевизору должны были показывать фильм «Женщины Востока», а поскольку к женщинам я был всегда «неравнодушен», то решил, что мне надо этот фильм обязательно посмотреть.

Но была маленькая проблема: в ленкомнату, где стоял телевизор, весь личный состав эскадрильи не вмещался. С ужина мы подходили четырьмя колоннами к казарме, и сержант командовал: «Слева по одному марш» или «Справа по одному». Т.е. даже стоящий в середине строя не имел гарантии попасть в ленкомнату на телевизор. Я такого допустить не

мог. Поэтому быстро, как «баклан», проглотил ужин, высунул голову из двери столовой, убедился, что никого нет – и помчался, набирая «стартовую» скорость.

Только выскочил за угол казармы, а там майор, дежурный по части: «Товарищ курсант, стойте. Вы почему без строя?» Я, ни секунды не задумываясь, выпалил: «Выполняю приказ». Он опешил: «Какой?» Вот тут я начал напрягать фантазию, какой же приказ я выполняю? И вдруг, на своё счастье, метрах в двухстах увидел бегущего курсанта, который успел проскочить «опасную» зону до того, как майор вышел на исходную позицию. «Мне приказали догнать вон того курсанта». Он: «Выполняйте». Я: «Есть!» – и помчался дальше. Что меня тогда поразило – я даже не замедлил шага, отвечая на вопрос майора, настолько был уверен в своей находчивости. Вот тогда я сказал себе: «Вася, из тебя получится хороший лётчик, если ты так же, как сейчас, не будешь теряться в опасных ситуациях».

Примерно так получилось и с вопросом генерала Шушпанова: «Почему Вы здесь?» Я, не моргнув глазом, уверенным тоном ответил: «Мне приказали проверить работу Группы руководства полётами». «Тогда Вам за мной», - сказал генерал и быстро пошёл дальше. Павел Степанович был так озабочен делами, что даже не стал анализировать мои слова. А ведь такой приказ мог отдать только он или кто-то вышестоящий, но по согласованию с ним. Я подскочил к Константину: «Костя, только никуда не сходи с этого места, я тебя потом не найду. И кто бы тебя ни спрашивал, кто ты, откуда, молчи – ты немой». Я помчался за генералом Шушпановым, постоянно оглядываясь на Костю. Фактически я его бросал на произвол судьбы. Прибыли на Пост, откуда осуществлялось руководство полётами, я стал изображать «контроль», совершенно не думая о том, что меня могут в любой момент раскрыть, ведь я тут был первый раз в жизни.

Все мысли были о Косте: «Как он там?» Воображение уже рисовало самые страшные картины: Костю повязали и допрашивают, как он, сугубо гражданский человек, сюда попал, и на какую разведку он работает? Примерно часа два продолжалась эта пытка. Хотя то, что я видел, никого не могло оставить равнодушным – самые современные истребители Советского Союза взлетали и садились на палубу авианосца, и я вам скажу: «Зрелище не для слабонервных!» Наконец, генерала Шушпанова пригласили на обед в кают-компанию, и он ушёл. Я тут же буквально выкатился из рубки и помчался к тому месту, где оставил Костю. Учитывая, что я сам был на корабле всего второй раз, задача была сама по себе непростая.

Константин стоял не там, где я его оставил. Он перешёл ближе, где были лучше видны взлёты и посадки палубных истребителей, хотя грохот от работы двигателей на «форсаже» при взлёте стоял такой, что уши глохли. Да и при посадке тоже. Ведь лётчик в момент зацепа за гак выводит двигатели сразу на максимальный режим, чтобы можно было уйти на второй круг в случае порыва троса. А до этого Костя успел, оказывается, побывать во многих отсеках корабля. Когда я подскочил к нему, моей радости не было предела, и я думал, что такие же чувства испытывает и Костя. Как я ошибался, наивный! Было видно, что он совершенно далёк от моих «земных» проблем. Его глаза светились восторгом и «муками творчества». Пришлось опустить его на нашу грешную землю: «Костя, я не знаю как, но надо срочно уносить отсюда ноги».

В Саках нам Тимур с Анатолием Квочуром помогли сесть в вертолёт. А здесь надо рассчитывать только на самих себя. Как мы «уносили ноги» с авианосца – это тема отдельного «романа». Скажу лишь, что только третья наша попытка без денег, документов и без внесения в полётный список пассажиров увенчалась успехом. Правда, когда мы взлетели, борттехник заметил, что вместо 18 человек в вертолёте сидит 20. Он подскочил к нам с вопросом: «Вы по списку?» Я ответил: «Да, по списку, только у нас другие фамилии, и вообще тот список передадут следующим рейсом». «А как это может быть?»- не унимался он. На что я философски изрёк: «Сынок, послужишь с моё, ещё не то про морскую авиацию узнаешь».

Результатом нашего полёта на авианосец стало то, что Константин Фролов написал сразу две песни: «Посвящение жёнам лётчиков-испытателей» и «Посвящение лётчикам палубной авиации». Причём, вдумайтесь, какими словами он начал первую песню:

Нас любят только истинные женщины:
Послушны, терпеливы и желанны,
Которые нам Господом заветаны,
Как самые святые талисманы.
Они – обворожительные грешницы –
Необходимы нам, как встречный ветер,
И только их молитвами мы держимся
На этом детонирующем свете.

У нас порой бывает очень весело,
Когда земля стеной уходит в небо.
Но наша сумасшедшая профессия
Отнюдь не ради выпивки и хлеба.
Нам просто повезло –
отпетым грешникам –
Всё от неё принять без укоризны.
Ведь эта фантастическая техника
Бывает словно женщина капризна.

Как собственных детей всех наших первенцев
Мы и в лицо, да и на ощупь, знаем.
И ежели судьба не будет гневаться,
То мы ещё немного полетаем.
И выси, что Фортуною обещаны,
Мы покорим в машинах многотонных!
Пока нас любят истинные женщины,
К нам небеса и Боги благосклонны.

А во второй:

Молю судьбу, чтоб искренне, всерьёз
Удачей наградила вас природа,
И чтобы только с первого захода
Цеплялся гак за поперечный трос!

Этим примером я хотел показать, как два лётчика, Апакидзе и Квочур, не побоялись пойти на риск, поступили нестандартно, и родилось сразу две песни об авиации. Но если честно, меня берёт оторопь до сих пор, что было бы, если бы я не нашёлся что сказать генералу Шушпанову. А стал бы нести детский лепет, что мы здесь случайно, просто перепутали, блин, вертолёт и «вместо Одессы вышли к Херсону». Я-то ладно, но Костя Фролов, абсолютно гражданский мужик, оказался на авианосце – самом секретном корабле Советского Союза тогда.

Тимура, разжалованного тогда с должности командира полка, вообще бы могли уволить из армии, да и Квочуру мало бы не было.

А меня когда спрашивают: «Были ли у Вас экстремальные ситуации на работе?» – я отвечаю: «Да, была одна. Чуть не заблудился на авианосце «Тбилиси», когда он был на испытаниях в Чёрном море. А потом мне долго снился один и тот же сон, как меня пытаются и хотят узнать, на чью разведку я работаю...»

На фото: аэродром Саки, герои описанных событий, правда, без Анатолия Квочура. Он в это время пишет уже восьмую объяснительную, как умудрился не утонуть вместе с самолётом...

Рецензия на «Экстрим по-военному» (Полковник Чечель)

Много лет не читала ничего более увлекательного, приключения такие, что адреналин зашкаливает даже от простого чтения! И как Вас всегда пронесит мимо всех засад?! Что значит — отвага идти напролом! И везение, а может, Вы и задуманы были на высшем совете таким отчаянным сорванцом-полковником! Просто хулиганом! Ведь это было хулиганство, настоящее авантюрное озорство, хотя цель благая, и главное, Апакидзе не пил же!

— Ну вы, блин, даёте! — голосом "генерала", ныне покойного актёра Булдакова...

*А песни прекрасные. Ради этих песен высшие силы вас обоих и оберегли.
И песни этого барда все хороши!*

*Василий Васильевич, и стихи очень красивые, и я почему-то часто думаю, где нет ссылки, что это Ваши. Храни Вас Бог.
С уважением — оглушенная звуком двигателей*

Любовь Ржаная 03.07.2020 г.